

преступных посягательств ст. 10 закона «Об оперативно-розыскной деятельности» допускает вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам личности или государства должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, либо лицом, оказывающим ему содействие, совершаемое при правоммерном выполнении указанным лицом своего служебного или общественного долга. Причиненный вред должен быть менее значительным, чем предотвращенный. Но данный вопрос в теории ОРД остался без детального изучения, и в законодательстве эта общая норма не получила развития.

Вышеперечисленные проблемные вопросы необходимо рассматривать с нескольких сторон. Во-первых, участие в борьбе с преступностью конкретных субъектов ОРД в зависимости от решаемых задач и их сложности, обеспечение их безопасности и их близких; во-вторых, определение пределов участия лиц в ОРД; в-третьих, определение субъективных прав и обязанностей обозначенных лиц в ОРД. В настоящее время имеются только нормы, закрепляющие правовой статус органов, осуществляющих ОРД. В выстроенной системе субъектов и участников каждое лицо, участвующее в данной деятельности (не смотря на изменяющиеся их правовые статусы), должно быть наделено своими правами и обязанностями, определяющими их компетенцию, позволяющую им осуществлять деятельность в рамках установленных правил поведения, что позволит обеспечить их безопасность, законность при проведении оперативно-розыскных мероприятий и эффективность выполнения задач ОРД. Такой подход к обозначенному решению проблем создает предпосылки для совершенствования правовой основы участия лиц в ОРД.

1. Алексеев, А.И. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности : монография / А.И. Алексеев, Г.К. Синилов. М. : ВНИИ МВД СССР, 1973. 200 с.
2. Маркушин, А.Г. Теоретические основы оперативно-розыскной деятельности и ее правовое регулирование : учеб. пособие / А.Г. Маркушин. Н. Новгород : Нижегород. высш. шк. МВД РФ, 1992. 212 с.
3. Попов, В.Л. Научные основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / В.Л. Попов. Калининград, 1998. 226 л.
4. Гусев, В.А. Перспективы законодательного и ведомственного регулирования юридических процедур в оперативно-розыскной деятельности / В.А. Гусев // Науч. вестн. Ом. Акад. МВД России. 2006. № 2 (24). С. 35–38.
5. Билоус, Е.Н. Вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: проблемы и противоречия / Е.Н. Билоус, Н.Н. Васильев, С.В. Харченко // Государство и право. 2006. № 11. С. 21–31.
6. Кучинский, В.А. Современное учение о правовых отношениях / В.А. Кучинский. Минск : Интегралполиграф, 2008. 320 с.
7. Павличенко, Н.В. Перспективы и тенденции развития института охраны негласного сотрудничества // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сб. материалов XII Междунар. науч.-практ. конф. (19–20 февр. 2009 г.). Ч. 3. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2009. С. 39–42.

Дата поступления в редакцию: 10.03.14

V.C. Rodevich, PhD of law, associate professor, professor of the chair of detective activity of the faculty of militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus; L.I. Rodevich, PhD of law, associate professor, lecturer of the chair of criminal process of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

ABOUT PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF SUBJECTS OF DETECTIVE ACTIVITY

In the article we make the short survey of separate problem. Their solving is connected with change of legal regulations, which regulate work of subjects of detective activity.

We show how the process of improvement of legal regulation in this sphere can influence at different contradictions and inaccuracies in separate norms, which regulate work of subjects of detective activity on the basis of regularities of development of society and state.

Keywords: subject, detective activity, legal regulation, problem, operative-search measure, law.

УДК 343.9

*С.С. Тупеко, кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: tupeko@tut.by)*

**УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО И СЫСК:
СВЯЗЬ, ПРОВЕРЕННАЯ ВРЕМЕНЕМ
(к 150-летию принятия Устава уголовного судопроизводства
Российской империи)**

Приводится исторический опыт развития судопроизводства в России. Анализируются причины, повлекшие ведомственную разобщенность органов уголовного преследования. Рассматриваются перспективные направления гармонизации правоприменительной практики в области уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: Устав уголовного судопроизводства Российской империи, оперативно-розыскная деятельность, уголовный процесс.

Юридическое научное сообщество в 2014 г. широко отмечает 150-летие принятия Устава уголовного судопроизводства Российской империи – первого кодифицированного источника уголовно-процессуального права России, впоследствии оказавшего весомое влияние и на развитие белорусской национальной модели уголовно-процессуальной деятельности.

Не умоляя значимость других прогрессивных тенденций, которые содержал принятый в 1864 г. Устав уголовного судопроизводства Российской империи (Устав), необходимо отметить сделанный им важный вклад в дело гармонизации двух взаимосвязанных и в то же время непростых с содержательной и с функциональной точек зрения форм правоприменительной деятельности: уголовного судопроизводства и уголовного сыска.

Заметим, что современная редакция уголовно-процессуального закона России явно не содержит столь многочисленных положений, прямо или косвенно подтверждающих общность целей уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности (ОРД), как это имело место в 1864 г. Логичность, гибкость и универсальность положений Устава о взаимосвязи этих двух институтов сегодня воспринимается как незыблемое свидетельство признания законодателем царской России необходимости творческого подхода к созданию условий для совместной работы чиновников от судебного преследования и полицейских служб в области противодействия преступности.

Указывая на обеспечивающие по отношению к судебному следствию функции сыска полиции, Устав наделил последнюю самостоятельным правом принимать сообщения о преступлениях и соответствующим образом реагировать на них. Устанавливалось, что «лица, потерпевшие от преступного действия вред или убытки, могут обращаться прямо в местную полицию, которая обязана произвести розыскание». Свое отражение в Уставе нашли и функции полиции, направленные на проверку информации о совершенном преступлении, если ее источник или правдоподобность вызывали обоснованные сомнения. Так, ст. 253 Устава определяла, что в случае, «когда признаки преступления или проступка сомнительны или когда о происшествии, имеющем такие признаки, полиция известится по слуху (народной молве) или вообще из источника не вполне достоверного, то во всяком случае, прежде сообщения о том по принадлежности, она должна удостовериться чрез дознание: действительно ли происшествие то случилось, и точно ли в нем заключаются признаки преступления или проступка».

Отдельные положения Устава, описывающие механизм полицейского дознания того времени, непосредственно указывают на формы и методы сыска работы, признавая их вполне законными и необходимыми. В Уставе указывалось, что при производстве дознания полиция все нужные ей сведения собирает посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением. В данном случае речь идет о предшественниках современных оперативно-розыскных мероприятий: «опрос граждан», «наблюдение» и т. д., которые и в настоящее время составляют основу оперативной работы при получении и проверке сообщений и заявлений о происшествиях и преступлениях.

Весьма интересны положения Устава, определяющие требования к материалам, которые передаются органу уголовного судопроизводства и могут выступать в качестве оснований и поводов к началу следствия: «в сообщениях мировому судье, как письменных, так и словесных, полицейские и другие административные власти должны указывать: 1) когда и где преступное действие совершено; 2) на кого падает подозрение и какие на то есть обстоятельства; 3) имеются ли в виду гражданский истец или свидетели и 4) место жительства всех означенных лиц».

Анализируя современные источники уголовно-процессуального права, следует отметить, что, например, в УПК России лишь единожды упоминается ОРД, когда речь идет о стадии доказывания. Из содержания ст. 89 УПК, посвященной использованию в доказывании по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности, вытекает категорический запрет на использование таких результатов, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам кодексом. На наш взгляд, такая формулировка показывает однобокую позицию законодателя при рассмотрении в уголовном судопроизводстве роли оперативно-розыскной деятельности.

В УПК Беларуси подход к рассматриваемому вопросу выглядит более конструктивным (хотя и не решает весь спектр проблем). В качестве источников доказательств белорусским законодателем предусмотрена возможность использования протоколов оперативно-розыскных мероприятий. Протоколы оперативно-розыскных мероприятий, связанные с прослушиванием и записью переговоров, приобретают статус источников доказательств, если составлены в установленном законом порядке и с приложением соответствующей записи прослушивания.

Причиной «недоверия» современных источников уголовно-процессуального права (по предположению) к результатам ОРД являются, во-первых, негативные проявления, сопровождавшие ОРД в определенные исторические периоды, когда «возможности уголовного сыска рассматривались через призму тотального контроля за потенциально опасными лицами, характеризовались высокой степенью секретности и сложившимися идеологическими стереотипами» [1, с. 19]. Во-вторых, «наостороженность» в от-

ношениях между уголовным процессом и оперативно-розыскной деятельностью вызвана фактом получения мощного импульса в самостоятельном развитии за последние десятилетия теории и практики ОРД. Признание их научной общественностью как новой области знания способствовало появлению целого ряда фундаментальных исследований, результаты которых, в свою очередь, активно стимулировали нормотворчество, связанное с разработкой и принятием самостоятельных законов, регулирующих оперативно-розыскные отношения. На их основе издавались ведомственные нормативные акты, которые, ориентируясь на потребности практики, детализировали содержание ОРМ, основания и условия их проведения, ключевые организационные и тактические аспекты оперативной работы. В результате ОРД, имея (в определенном смысле) более творческий характер, современными исследователями не всегда рассматривается в тесной взаимосвязи с более консервативным и менее гибким к изменяющимся реалиям уголовным процессом. Тезис о том, что ОРД есть не только средство борьбы с преступностью, подтверждается активными попытками использовать ее результаты не только в уголовном, но и гражданском (арбитражном) судопроизводстве [2, с. 31].

В то же время следует отметить, что разнополярность двух рассматриваемых институтов, проявившаяся не только в ходе теоретического осмысления путей решения общих задач, но и в нормативном закреплении их правоприменительной деятельности, привела к расширению практики ведомственного разобщения органов уголовного преследования.

Попытки всячески оградить процессуальную независимость следователя упускают из виду обратную сторону проблемы. Так, в процессе расследования по конкретным уголовным делам часто возникает ситуация, когда следователь, выступая главенствующей, руководящей фигурой, наделенной широкими процессуальными полномочиями, попадает в положение, полностью зависимое от работы оперативного подразделения, терпеливо ожидая от него результатов, способных сдвинуть расследование с «мертвой» точки. Подобная ситуация особенно характерна для уголовных дел, возбужденных по преступлениям, когда в ходе первоначальных следственных действий не установлено лицо, его совершившее. Вместе с тем, проанализировав положения Устава, заметим, что еще в Российской империи судебному следователю предписывалось «не останавливаться в производстве следствия по тому случаю, что обвиняемый скрылся или что нет в виду подозреваемого в совершении преступления».

Активная роль следователя, наступательность его действий определялась предписаниями Устава «предпринимать собственной властью все меры, необходимые для производства следствия». В настоящее время в числе таких мер выступает предусмотренное в УПК право следователя давать поручения органу дознания на проведение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий с целью получения информации о лицах, причастных к совершению преступления. В этой связи оправданная критика и скептицизм по отношению к таким поручениям обусловлены ситуациями, когда в адрес оперативных подразделений поступают сомнительные с точки зрения их целесообразности поручения следователя, связанные с необходимостью проведения многочисленных обысков, допросов и т. д. Их выполнение, с одной стороны, значительно увеличивает нагрузку на оперативный состав, с другой – закрадывается мысль, что за такими поручениями порой скрывается нежелание следователя добросовестно выполнять собственную работу. В этой связи уместно процитировать Устав, в котором предусматривательно предписывалось, что производство некоторых действий (осмотры, освидетельствования, обыски) может быть поручено полиции только в исключительном случае, когда по каким-либо особым обстоятельствам они не могут быть исполнены лично мировым судьей и «не представляется возможности отложить их до другого времени». О необходимости личного участия следователя в допросах свидетелей и подозреваемых свидетельствуют положения Устава о том, что «даже в случаях, когда полицией застигнуто совершающееся или только что совершившееся преступное деяние, а также когда до прибытия на место происшествия судебного следователя следы преступления могли бы изгладиться, полиция заменяет судебного следователя во всех следственных действиях, не терпящих отлагательства, как-то: в осмотрах, освидетельствованиях, обысках и выемках, но формальных допросов ни обвиняемым, ни свидетелям полиция не делает, разве бы кто-либо из них оказался тяжело больным и представилось бы опасение, что он умрет до прибытия».

Современные источники уголовно-процессуального права, завуалировав принцип персонального участия и личной ответственности следователя, рискуют потерять саму идею, ради которой создавались: защитить личность, ее права и свободы, а также интересы общества и государства путем быстрого и полного расследования преступлений. Изложенное убедительно подтверждается результатами исследований, основанных на анализе оправдательных приговоров по уголовным делам об убийствах и причинении тяжких телесных повреждений, расследованных в Республике Беларусь за последнее десятилетие. В числе наиболее частых причин, обусловивших вынесение оправдательных приговоров, отмечается отсутствие должного взаимодействия сотрудника уголовного розыска со следователем на первоначальном этапе раскрытия преступлений. В результате в суд направлялись расследованные уголовные дела, основанные на явках с повинной, полученных в результате психологического давления на подозреваемого. В ряде случаев на ложный след следователя направляли результаты непрофессионального

проведения сотрудниками уголовного розыска допросов свидетелей (подозреваемого), осмотра места происшествия, изъятия и исследования вещественных доказательств на месте происшествия.

Активная полемика, что уголовный процесс сегодня не может являться единственным методом познания истины по уголовным делам, мотивирует исследователей искать выход в сложившейся ситуации. Среди возможных способов решения проблемы рассматривается вариант наделения следственных подразделений компетенцией в сфере ОРД.

В этой связи вполне может быть оправдан такой формат работы, когда следователю будут придаваться оперативные сотрудники, способные под его руководством проводить весь комплекс оперативно-розыскных мероприятий по конкретному уголовному делу. Еще один подход к рассматриваемому вопросу продемонстрировал законодатель Украины, где УПК (вступил в силу в ноябре 2012 г.) предусматривает возможность проведения самим следователем негласных следственных (розыскных) действий, которые будут рассматриваться как легальные средства доказывания, не требующие дополнительной легализации или интерпретации полученных данных. В целях доказывания следователь уполномочен самостоятельно, с разрешения прокурора либо на основании решения следственного судьи (в зависимости от вида действия) производить аудио-, видеоконтроль лица; накладывать арест на корреспонденцию; снимать информацию с транспортных телекоммуникационных сетей; снимать информацию с электронных информационных сетей; обследовать публично недоступные места, жилище и иные владения лица; устанавливать местонахождение радиоэлектронного средства; вести контроль над совершением преступления; негласно получать образцы для сравнительного исследования, а также использовать конфиденциальное сотрудничество лиц.

По мнению Н.П. Водько, новеллы о введении в УПК Украины института негласных следственных (розыскных) действий, ранее не известных уголовно-процессуальному законодательству СССР и союзных республик, представляют наибольший практический и научный интерес, которые вполне закономерно смогут повлиять на учреждение в УПК Украины новой формы досудебного расследования – «негласные расследования» [3, с. 7–8]. Однако очевидно и то, что законодательное закрепление негласной работы следователя в УПК Украины не только дает новый импульс развитию правоохранительной деятельности, но и требует объединения усилий специалистов в области уголовного процесса, криминалистики, ОРД и специальной техники для создания обстоятельных, эффективных, понятных и не вызывающих сомнений в законности рекомендаций по осуществлению этой деятельности [4, с. 226].

Исходя из вышесказанного, следует заключить, что современные тенденции усложнения работы по предупреждению, выявлению и раскрытию преступлений объективно свидетельствуют о необходимости принятия эффективных мер по сближению уголовного судопроизводства и ОРД. Рассматриваемые институты уголовного преследования остро нуждаются в гармонизации позиций по совместной работе следователя и оперуполномоченного в составе следственно-оперативной группы на первоначальном и последующем этапах расследования преступления, в ходе осуществления розыскной работы, при использовании результатов ОРД в уголовном процессе. Сегодня появились и развиваются перспективные направления приложения совместных усилий следователей и сотрудников оперативных подразделений: сфера обеспечения безопасности участников уголовного процесса, потребность в создании совместных информационных ресурсов, осуществление уголовного преследования и международного розыска по делам о транснациональных преступлениях и многое другое.

1. Шарихин, А.Е. Научные основы обеспечения экономической безопасности России посредством оперативно-розыскной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / А.Е. Шарихин. М. : РУДН, 2007. 25 с.

2. Шумилов, А.Ю. О видах и направлениях современной оперативно-розыскной деятельности: к постановке проблемы / А.Ю. Шумилов // Оперативник (сыщик). 2013. № 4 (37). С. 24–34.

3. Водько, Н.П. О соотношении негласных следственных (розыскных) действий и оперативно-розыскных мероприятий в Украине / Н.П. Водько // Оперативник (сыщик). 2013. № 1 (34). С. 6–12.

4. Михайлов, М.А. Негласная деятельность следователя: размышления о новациях УПК Украины 2012 г. / М.А. Михайлов // Воронежские криминалистические чтения : сб. науч. тр. / под ред. О.Я. Баева. Воронеж, 2013. Вып. 15. 364 с.

Дата поступления в редакцию: 10.04.14

S.S. Tupeko, PhD of law, lecturer of the chair of detective activity of the faculty of militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS AND SEARCH INVESTIGATION: THE COMMUNICATION CONFIRMED BY TIME (to the 150 anniversary of adoption of the Charter of Criminal Legal Proceedings of Russian Empire)

The article is devoted to the reasons which have entailed departmental dissociation of the units of criminal prosecution, their historical experience of development, perspective directions of harmonization of law-enforcement practice in the field of criminal legal proceedings and operational search activity.

Keywords: the Charter of criminal legal proceedings of Russian Empire, operational search activity, criminal legal proceedings.